

ЭВТАНАЗИЯ В АСПЕКТАХ DE LEGE LATA И DE LEGE FERENDA

© 2008 г. О. С. Капинус¹

Благодаря интенсивному развитию биотехнологий на пороге XXI в. фактически безграничными становятся возможности медицины в вопросе поддержания человека едва подающего признаки жизни. Однако современная медицина все еще не способна излечить множество заболеваний, но располагает средствами, позволяющими длительное время поддерживать состояние хронической болезни, приводящее к тому, что большинство людей (а это, по подсчетам Всемирной организации здравоохранения, свыше 70%) умирают не внезапно, а постепенно, испытывая порой невыносимые боли. В таких условиях весьма велик соблазн у людей, ухаживающих за безнадежно больным, мучающимся человеком, прекратить его страдания.

Споры об эвтаназии² ведутся очень давно. Один из ключевых вопросов: эвтаназия – это благо или преступление?

Каждая историческая эпоха предлагает своё видение данной проблемы, уходящей корнями к истокам истории человечества.

Так, политико-правовые учения *Древнего мира*, рассматривали эвтаназию как *благо*, а в определенных случаях – как неизбежность. В научной мысли доминировало воззрение о том, что жизнь человека принадлежит обществу. А поскольку человек не самоценность, то он не может свободно распоряжаться собой. Личной свободы в ее экзистенциальном смысле античность не знала. Обезличивание индивида, отношение к человеку как к бесправной части целого обуславливало и отношение к эвтаназии как к акту, не приносящему вреда обществу. Господствовала эра “предписываемого” самоубийства.

Во времена *Средневековья* господство христианского религиозного мировоззрения привело к отрицательному отношению общественности к идеям эвтаназии. С укоренением христианства отношение к добровольной смерти начало претерпевать кардинальные изменения – от нетерпимого и осуждаемого церковью до отражения ее противоправности в общегражданских установлениях.

¹ Научный сотрудник НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ, доктор юридических наук, доцент.

² В уголовно-правовом смысле под эвтаназией следует понимать умышленное причинение смерти неизлечимо больному, осуществленное по его просьбе медицинским работником, а также иным лицом по мотиву сочувствия и с целью избавления его от невыносимых физических страданий.

Активная форма эвтаназии – умышленное причинение неизлечимо больному по его просьбе быстрой и легкой смерти с целью избавления его от мучительных физических страданий.

Пассивная форма эвтаназии – отказ от начатого жизнеподдерживающего лечения по просьбе неизлечимо больного.

Следует обратить внимание на то, что в истории права отношения к эвтаназии допускало множество трактовок. Столкновение в вопросах обеспечения права на жизнь двух интересов – частного и публичного побудило теоретиков заниматься изучением значения согласия потерпевшего в уголовном праве.

Еще в Древнем Риме в случаях согласия потерпевшего на причинение ему вреда причинитель оставался безнаказанным в публичном порядке. Сформулированное Ульпианом правоположение (*Volentia non fit injuria*)³ и использование его в римском праве можно считать началом зарождения уголовно-правового института “согласия потерпевшего”.

В последующих законодательных актах западных государств, а также в законодательстве Древней Руси не было положений касательно согласия потерпевшего (в Салической правде, Русской правде, Судебниках Руси). Однако есть основания полагать, что уже средневековыми юристами (XVI–XVII вв.) этот вопрос (применительно к убийствам) вновь был поднят. Тем не менее, в источниках права Древней и Московской Руси согласие и даже просьба потерпевшего не рассматривались как обстоятельства, влиявшие на квалификацию убийства и назначение наказания за содеянное.

В XIX в. было положено начало дискуссии, развернувшейся в научных кругах и в правовой практике, по вопросам об убийстве из сострадания и о влиянии согласия потерпевшего на квалификацию убийства. На диссертационном уровне исследование вопроса о влиянии согласия потерпевшего на квалификацию убийства впервые было осуществлено Р. Пферсдорфом. Первая монография, посвященная этой проблеме, написана К. Кеслером в 1884 г. В 1895 г. А. Йост опубликовал работу “Право на смерть”, а в 1908 г. вышла в свет работа К. Хиллера “Право на самого себя”.

В отечественной уголовно-правовой науке досоветского периода вопрос о значении института согласия потерпевшего впервые был поставлен в периодической печати деканом юридического факультета Московского императорского университета С. Баршевым. Вслед за ним многие отечественные криминалисты досоветского периода стали касаться в своих исследованиях проблемы согласия потерпевшего. В конце XVIII в. российское учение о влиянии согласия пострадавшего на наказуемость виновного и в доктрине, и в кодексах допускало различные трактовки, но обыкновенно рассматривалось без внимания к тому мотиву, которым руководствовалось лицо, посягнувшее на чьи-либо блага с согласия их носителя. Большинство исследователей того времени отрицали значение согласия потерпевшего как обстоятельства, исключаяющего уголовную ответственность. Некоторые

³ Лицо не считается понесшим юридический вред, если оно дало согласие на совершение вредоносного действия.

ученые полагали невозможным полностью игнорировать согласие потерпевшего и выдвигали предложение рассматривать убийство с согласия потерпевшего как *delictum sui generis*. Научные взгляды видных отечественных криминалистов привели к тому, что российское дореволюционное уголовное законодательство не уравнило умышленное убийство с убийством по согласию. В Уголовном уложении 1903 г. закреплялось положение об уменьшенной ответственности за убийство, однако этот нормативный правовой акт полностью так и не вступил в силу.

Отсутствие правовой регламентации эвтаназии вызывало не только споры, но и предложения о создании и совершенствовании способов и методов умерщвления. В России при царском режиме создавались тайные общества эвтаназии, представители которых по договоренности с родственниками с помощью различных медикаментозных средств ускоряли смерть безнадежных больных.

Следующая попытка правового решения проблемы эвтаназии в России была предпринята в 1922 г. В примечании к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. содержалось положение о «непреступности убийства, совершенного из сострадания и по настойчивой просьбе потерпевшего». Однако указанное примечание просуществовало недолго. После принятия УК РСФСР 1926 г. и УК других союзных республик в российской научной доктрине согласие потерпевшего рассматривалось в числе обстоятельств, при определенных условиях исключающих уголовную ответственность.

В период с 1929 по 1938 г. вопрос о согласии потерпевшего в теории уголовного права был на время предан забвению. Начиная с 1938 г. и по 1960г. проблема согласия потерпевшего освещалась в выходивших в то время в свет учебниках по уголовному праву. Однако единой позиции по данному вопросу так и не было выработано.

Очередная попытка законодательного урегулирования рассматриваемого вопроса была предпринята разработчиками ныне действующего УК РФ. Ими предлагалась норма, впоследствии исключенная из проекта УК РФ, предусматривавшая ответственность за лишение жизни по волеизъявлению потерпевшего.

Поскольку круг вопросов, связанных с эвтаназией, находится на стыке ряда общественных наук, то только объединение их познавательного потенциала посредством междисциплинарного синтеза способно обеспечить возможность осмысления данного явления в сложившихся условиях и принятия качественно новых решений. Установление взаимосвязи уголовного права с философией, медициной, этикой, религиоведением необходимо, ибо раскрывает действительное содержание уголовно-правовых запретов в области охраны права на жизнь и способствует адекватному формулированию нравственных основ уголовно-правовых запретов эвтаназии.

Существующие научные подходы к вопросу об ответственности за эвтаназию (порой диаметрально противоположные) отражают реальные общественные процессы в сфере правового регулирования, сложность, многоаспектность ответственности за это социально-правовое явление, отмеченное в последние годы значительным ростом числа преступлений. И это притом, что эвтаназия отличается крайне высокой латентностью.

Ситуация усугубляется еще и тем, что в современной России, переживающей весьма трудный период развития, мораль и право все больше разобщаются, отдаляются друг от друга. Кризис проявляет себя практически во всех сферах жизни общества – экономике, политике, медицине, культуре, праве. Это объяснимо: за время реформ страна понесла масштабные нравственные потери. Забывались или игнорировались богатые духовные и исторические традиции, вследствие чего была разрушена прежняя система ценностей, а новая так и не создана. Межгосударственные угрозы, а в особенности деструктивные характеристики западной цивилизации усиливают девальвацию традиционных моральных устоев. Низменные проявления, ранее выводимые общественным сознанием за рамки общепринятой морали, сегодня воспринимаются как норма, постепенно превращаясь во внутренние стимулы поведения. О состоянии духовного здоровья общества можно судить по преобладающим в нем гуманистическим воззрениям и идеалам, отводящим человеческой жизни весьма скромное место в существующей иерархии моральных ценностей.

Отсутствие должного правового регулирования эвтаназии, терминологического единства, сопровождающегося подменой понятий, на фоне агрессивной пропаганды, осуществляющейся в условиях её безнаказанности, способствует усугублению этих негативных процессов. Между тем этическая аргументация убийства пробивает такую брешь в принципе гуманизма, которая равносильна его отрицанию. Полагаем, что формирующиеся реалии настоятельно требуют сохранения в сознании людей психологического барьера против «гуманного убийства».

Вместе с тем, убийство по просьбе потерпевшего, в отличие от иных его видов, и этот факт нельзя игнорировать, является деянием, согласующимся с волей потерпевшего, что должно влечь пониженную уголовную ответственность. К обоснованию данного положения мы вернемся чуть позже.

Правовые проблемы, связанные с эвтаназией, необходимо рассматривать в тесной связи с правом на жизнь, являющимся одним из базовых и неотъемлемых прав человека. Решение вопроса о правомерности убийства из сострадания и наказания за него возможно только в предметном поле научно-теоретического анализа условий и обстоятельств ограничения права на жизнь, права на свободное распоряжение ею⁴.

В контексте сказанного напрашивается ряд выводов. Во-первых, закрепляя в законе право на жизнь, законодатель ни в коем случае не преследовал цели закрепления, даже опосредованно, и права на смерть. Подтверждением тому служит прежде всего то, что в большинстве случаев правомочие по распоряжению жизнью (особенно в контексте решения вопроса о ее

⁴ **Право человека на жизнь** – это естественная, неотъемлемая возможность защиты неприкосновенности человеческой жизни и свободы распоряжения ею, гарантированная нормами права.

Право на свободное распоряжение своей жизнью, являющееся структурным элементом права на жизнь, следует рассматривать как возможность добровольного принятия лицом решения о поставлении своей жизни в опасное положение, обусловленное свободным волеизъявлением, направленным на достижение некоей положительной цели личного или общественного характера.

прекращении) ограничено комплексом правовых, религиозных и этических норм.

Государство, таким образом, выражает свое негативное отношение к самостоятельному решению гражданами вопроса о прекращении жизни. Всесторонне закрепленное субъективное право на жизнь подразумевает лишь право на сохранение жизни и гарантии её обеспечения. Иная постановка вопроса была бы юридическим нонсенсом для законодателя, чьим основным принципом является охрана жизни, а не создание условий для наступления смерти.

Право человека на свободное распоряжение своей жизнью предполагает строгую законодательную регламентацию деятельности государства и частных лиц при поставлении гражданином своей жизни в опасное положение и не дает никому права содействовать человеку в его стремлении к уходу из жизни; следует полагать неэтичным и недопустимым вести речь о существовании субъективного права на убийство самого себя; государство должно признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина в течение всей его жизни; ни эвтаназия, ни содействие или побуждение к самоубийству не могут являться правомочием государства, которое провозглашает себя правовым.

Признавая бесспорную ценность жизни каждого человека, его свободу и достоинство как уникальные свойства личности, нельзя отрицать, что эвтаназия остается умышленным деянием, направленным на умерщвление безнадежно больных людей, и в этом качестве представляет собой не что иное, как особую форму убийства. Уголовное же право наделено функцией охраны жизни человека до самого последнего момента. Эвтаназия как юридический факт представляет собой не “реализацию права на жизнь”, а преступление.

Российское законодательство устанавливает прямой запрет эвтаназии. Речь идет о ст. 45 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. Аналогичный запрет содержит и текст “Клятвы врача”, утвержденной Федеральным законом “О внесении изменения в статью 60 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан” от 20 декабря 1999 г.

Обязывая врача идти до конца в борьбе с болезнью пациента, Закон в то же время предоставил право больному отказаться по собственному усмотрению от медицинской помощи (ст. 33 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан), что предоставило возможность расширительно толковать данную норму как допускающую пассивную эвтаназию. Расширительное толкование нормы закона допустимо при образовании законодательного пробела – в данном случае в сфере удовлетворения просьбы пациента о пассивной эвтаназии. Однако отношения, возникающие между медицинским персоналом и пациентом по поводу пассивной эвтаназии, урегулированы в ст. 45 Основ, которая прямо запрещает активную и пассивную эвтаназию. В связи с этим аналогия Закона, когда к соответствующим отношениям применяется правовая норма, регулирующая сходные отношения, по меньшей мере неуместна. Кроме того, подобные рассуждения входят в противоречие со ст. 60 Основ, а также ст. 14 Этического кодекса российского врача, утвержденно-го Ассоциацией врачей России в ноябре 1994 г., и со ст. 9 Этического кодекса медицинской сестры России. Врач –

член ассоциации обязуется руководствоваться в своих действиях международными нормами профессиональной этики, исключая не признаваемое Ассоциацией врачей России положение о допустимости пассивной эвтаназии.

Аспекты правовой охраны жизни имеют публично-правовое значение и определяют правомерность вмешательства государства в сферу частных интересов для их уголовно-правовой защиты. При лишении жизни неизлечимо больного по его просьбе предполагается, что сострадание направлено на удовлетворение частного интереса лишаемого жизни. Но в самом умышленном причинении смерти другому человеку отчетливо усматривается нарушение публичных интересов. Зачастую упускается из виду, что такое деяние нарушает внутренний порядок, изначально присущий всем общественным отношениям. Преступление подрывает его основы изнутри. Поэтому степень допустимости в праве “частности” интереса не должна доходить до возникновения непримиримого противоречия частного интереса публичному, реализация которого связана с сохранением условий для развития социума в целом. Следовательно, применительно к любым случаям лишения жизни по согласию потерпевшего приоритетной должна быть защита становящихся под угрозу публичных интересов, а не реализация интересов частных.

Поэтому следует признать, что в охраняемых уголовным правом общественных отношениях по поводу эвтаназии частные интересы их участников не являются преобладающими над общественными (публичными) настолько, чтобы волеизъявление потерпевшего имело решающее значение для уголовной ответственности виновного лица. Придание частному интересу значимости публичного блага и защита его в данном статусе со стороны государства – признак здоровья общества, которое в посягательстве на частный интерес видит публичную проблему.

Это обстоятельство объясняет постоянную заботу общества и государства об охране существующих и вновь появляющихся общественных отношений от преступных посягательств на них.

Однако существующий законодательный подход квалификации эвтаназии по ч. 1 ст. 105 УК РФ не способен обеспечить соответствие уголовно-правовой оценки характеру содеянного и личности виновного.

Проведенный анализ различных аспектов эвтаназии привел к следующему выводу: в России необходимо разрешить противоречия между законодательной практикой запрета эвтаназии и реальной медицинской практикой латентного её применения.

Подобно любому социально-правовому явлению, имеющему значение для развития общественных отношений, эвтаназия требует адекватного нормативно-правового регулирования. Пробельность в данном вопросе, сопряженном с трудностями морального и правового характера, порождает крайне негативные тенденции. Правовые же установления, а в особенности их уголовно-правовая часть, в современном обществе призваны ограничивать тот вред, который может быть причинен существующим общественным отношениям по охране жизни.

В целом юридическая ответственность за эвтаназию как за деяние, запрещенное действующим законодательством, является комплексным феноменом, ко-

торый следует рассматривать в контексте взаимодействия позитивной и негативной ответственности. Такое осознание, как правило, наступает на основе знания и понимания не только соответствующих норм уголовного законодательства, но и принципов морали и религии. Определяя свое отношение к эвтаназии как в целом, так и в каждом конкретном случае, человек руководствуется не только правовыми запретами и дозволениями. Он исходит из своих моральных принципов, свойственных ему представлений о добре и зле, а также из религиозных догм, если является верующим. Религиозные запреты в отношении эвтаназии оказывают большое влияние на развитие соответствующих правовых норм, на формирование позитивной юридической ответственности. Осуждая эвтаназию как деяние, являющееся грехом, нарушением божественной воли, все мировые религии добиваются закрепления ее запрета на законодательном уровне. Кроме того, они формируют у верующего человека стойкое отрицательное отношение к убийству по просьбе потерпевшего, определяя воздержание от такого деяния как важный фактор правомерного поведения, фактор позитивной ответственности.

Таким образом, моральные и религиозные нормы можно рассматривать как составные элементы позитивной ответственности за эвтаназию. Наряду с нормами права они в течение длительного времени оказывали и продолжают оказывать влияние на отношение общества и отдельных индивидов к этому явлению.

Содержание негативной (уголовной) ответственности заключается в обязанности лица, совершившего деяние, содержащее все признаки состава преступления, претерпеть определенные меры принуждения в виде лишений и правоограничений в качестве неблагоприятных последствий содеянного, применяемых государством в лице его правомочных органов в рамках санкции нормы уголовного закона.

Возвращаясь, к ранее обозначенному тезису, еще раз подчеркнем: убийство по просьбе потерпевшего, являясь деянием, согласующимся с волей потерпевшего, должно влечь пониженную уголовную ответственность. В этих целях следует из общей законодательной нормы об убийстве выделить в самостоятельный состав менее опасный вид убийства со смягчающими обстоятельствами – эвтаназию. Представляется, что такое решение поможет избежать двух опасных крайностей: декриминализации эвтаназии и отождествления ее с убийством.

В целях формулирования предлагаемой нормы УК об эвтаназии следует выделить ее основные признаки.

Объект преступления – жизнь человека.

Уголовный закон одинаково охраняет от преступных посягательств жизнь любого человека независимо от его расовой, национальной принадлежности, гражданства, возраста, рода занятий, состояния здоровья и т.п. При этом жизнь самого человека независимо от его жизнеспособности может быть объектом этого преступления. Убийством в одинаковой степени будет являться лишение жизни человека, находящегося в расцвете своих физических и умственных сил, лишение жизни тяжелобольного или умалишенного, новорожденного, либо лица, находящегося в преклонном возрасте.

Субъект преступления – лицо, совершившее акт эвтаназии.

Общественное отношение по поводу осуществления эвтаназии как любая ценностная система представляет собой совокупность элементов. Исходя из общего учения об объекте преступления, в нем выделяются следующие элементы: субъекты отношений; содержание; предмет, по поводу которого существует отношение.

В системе общественного отношения по поводу осуществления эвтаназии можно выделить две категории индивидуальных субъектов: специальный (медицинские работники) и общий (иные лица), а также коллективный – государство в лице уполномоченных органов уголовной юстиции.

Предметом в системе общественного отношения по поводу осуществления эвтаназии выступает то, по поводу чего возникает это отношение. Именно в связи с производством эвтаназии существует взаимодействие субъектов, т.е. деятельность, связанная с реализацией прав и обязанностей субъектов согласно своим законным интересам.

Содержание общественного отношения по поводу совершения эвтаназии составляют активные и пассивные формы взаимодействия лица, удовлетворяющего просьбу об эвтаназии, и лица, просящего об этом.

Форма взаимодействия сторон строго определяется уголовным законодательством.

Качественная и количественная характеристики данного общественного отношения заключаются в том, что возможности обеспечиваемого состояния одной стороны корреспондирует запрещенность определенного поведения другой стороны. Так, в интересующих нас общественных отношениях по обеспечению жизни возможность пребывать в живом или безопасном состоянии противостоит необходимости (например, врача, родителей, органов власти и т.п.) поддерживать это состояние и запрету на поведение, которое может его нарушить, даже если подобное нарушение осуществляется по просьбе или с согласия потерпевшего. При этом определенное социальное поведение лица, к которому обращена просьба об эвтаназии, обеспечивает или не обеспечивает возможность жить другому субъекту отношения, т.е. лицу, которое выражает желание применения к нему акта эвтаназии.

Объективная сторона – деяние может быть совершено путем как *действия, так и бездействия*; необходимо последствие эвтаназии – *причинение смерти*; наличие *причинной связи* между действием (бездействием) виновного и наступившей смертью потерпевшего; *наличие просьбы потерпевшего на причинение ему смерти*.

Просьба потерпевшего должна по времени предшествовать совершенному деянию. Помимо этого необходимо, чтобы волеизъявление последовало от лица, способного понять значимость и последствия своей просьбы. Наконец, требуется, чтобы просьба была высказана свободно. Если она высказана вследствие обмана, введения в заблуждение или в результате принуждения, то совершенное деяние не может быть признано эвтаназией и должно влечь ответственность за убийство на общих основаниях.

К объективной стороне следует отнести и *противоправность (неправомерность)* совершения акта эвтаназии.

Выделение этого признака преследует цель отграничить убийство от правомерного лишения жизни, как это бывает при необходимой обороне, исполнении приказа, приговора и т.п.

Эвтаназия – *всегда умышленное деяние*. Однако в отличие от убийства, предусмотренного ст. 105–108 УК РФ, *субъективная сторона* выражается только в прямом умысле, т.е. когда содеянное свидетельствует о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления. Совершение эвтаназии с косвенным умыслом, т.е. когда при совершении преступления виновный предвидит возможность того, что его действия причинят смерть другому человеку, и сознательно допускает ее наступление или безразлично к этому относится, невозможно. Поскольку действия при эвтаназии направлены именно на причинение смерти, основной целью этого деяния является ее наступление.

Мотив и цель выступают обязательными признаками субъективной стороны состава убийства по просьбе потерпевшего и оказывают решающее значение на квалификацию содеянного.

Лишение жизни больного без его согласия – деяние, которое некоторые ученые и практики называют принудительной эвтаназией, должно квалифицироваться как убийство по ст. 105 УК РФ.

При этом следует понимать, что эвтаназия – явление, отличающееся комплексной правовой природой: с одной стороны, в ее основе лежит деяние по распоряжению собственной жизнью, а с другой – эвтаназия, являющаяся актом лишения жизни одного лица другим, не может рассматриваться ни как частный, ни как специфический случай самоубийства.

Эвтаназия и суицид различаются по ряду критериев.

Психологический критерий. В отличие от суицида с его множественным причинным комплексом, в основе акта эвтаназии может лежать лишь одна причина – невыносимые физические страдания, обусловленные терминальной стадией неизлечимого заболевания.

Философский критерий. Эвтаназия – это не выбор между жизнью и смертью. Самоубийца при всем его видимом категоричном отрицании жизни все-таки хочет жить. Он протестует против невыносимости жизни, а обреченный пациент – против невыносимости приближающейся смерти. У безнадежно больного нет альтернативы, перед ним – только смерть.

Правовой критерий. Эвтаназия всегда предполагает непосредственное участие другого лица в умышленном причинении смерти больному, который в этом случае сам неспособен убить себя наиболее безболезненным способом и молит других лиц, чаще всего врачей или близких ему людей, помочь уйти из жизни. Суицид – также сознательное и добровольное лишение жизни, но собственноручное.

Организационный критерий. Самоубийство – чаще всего неожиданная реакция на крайне неблагоприятную ситуацию, которая, может быть, возникла не совсем внезапно, но осознание безысходности ее последствий приходит мгновенно, желание свести все счеты с жизнью обрушивается на человека молниеносно, не оставляя ему времени на размышление о средствах безболезненной смерти. Самоубийца редко

тщательно и заблаговременно готовится к этому акту. Поэтому в момент исполнения решения он пользуется способом, как правило, страшным и мучительным.

Потребность в эвтаназии ощущают люди, испытывающие невыносимые страдания в результате болезни, как правило, в терминальной и предтерминальной стадии. Их решение о смерти не спонтанно, а тщательно продумано и спланировано.

Однако если вопрос с правовым статусом самоубийства⁵ выглядит достаточно определенным, то совсем иначе обстоит дело с правовой оценкой поведения третьих лиц, способствующих совершению самоубийства. К мысли о добровольном уходе из жизни человек чаще всего приходит через нравственные страдания, а не по причине затруднений в удовлетворении элементарных физиологических потребностей. И в связи с этим для принятия либо непринятия решения причинить себе смерть весьма весомо внешнее воздействие на такого индивида. Представляются вполне допустимыми ситуации, когда к акту принятия решения о лишении себя жизни примешиваются воля и действия другого человека. При таких обстоятельствах оснований утверждать, что лишение себя жизни было добровольным, нет. Подобное воздействие почти повсеместно в мире в той или иной форме признается общественно опасным и иногда даже приравнивается к убийству.

В настоящее время в России, в отличие от законодательства большинства зарубежных стран, уголовно наказуемо лишь доведение до самоубийства. Пособничество, подстрекательство, понуждение к самоубийству по действующему российскому уголовному законодательству находятся за рамками конкретного состава преступления, т.е. уголовно нейтральны. Однако общественная опасность склонения или содействия самоубийству очевидна. Потеря обществом огромного количества его активных членов в результате самоубийств, возможность сокрытия умышленного лишения жизни другого человека под видом самоубийства определили в целом негативное отношение законодателей разных стран к этому явлению.

Учитывая высокую степень общественной опасности таких действий, во многом похожих на убийство, следует криминализовать их, дополнив УК РФ ст. 110¹ “Склонение или содействие в самоубийстве” следующего содержания: “Склонение к самоубийству путем уговора, подкупа, обмана или другим способом, а также содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления наказываются ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на срок до пяти лет”.

Склонение или содействие в самоубийстве очень схоже с убийством по просьбе потерпевшего. Однако понятие склонения или содействия в самоубийстве значительно шире понятия последнего, поскольку вклю-

⁵ Под самоубийством следует понимать собственноручное, сознательное и добровольное лишение себя жизни по любым причинам, кроме случаев сознательного целенаправленного воздействия на волеизъявление человека со стороны других лиц, под влиянием которого он принимает решение причинить себе смерть не добровольно, а в силу обмана, безвыходной ситуации, физического и психического принуждения и иных условий, сложившихся по воле этих лиц.

чает в себя не только случаи наличия просьбы, но и ее отсутствие.

Положительная роль нововведения заключается еще и в том, что установление уголовной ответственности за склонение к самоубийству или за содействие ему устранит еще одно существующее на сегодняшний день противоречие между законодательными формулировками ст. 110 УК РФ и ст. 45 Основ законодательства об охране здоровья граждан 1993 г. В соответствии с последней “лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет ее, несет уголовную ответственность”, в то время как УК ответственности за это не предусматривает.

Приведенные доводы и рассуждения лишней раз подтверждают, что любая дискуссия об эвтаназии должна быть хорошо продуманной и вестись с участием юристов, медиков, социологов и т.д., а также законодателя. Многие явления, как показывает врачебная практика, ошибочно воспринимаются как эвтаназия.

При этом мы исходим из того, что эвтаназией не являются: убийство из “милосердия”, когда врач при отсутствии просьбы безнадежно больного, видя его мучительные страдания, которые обязательно в скором времени приведут к смерти, и будучи не в силах их устранить, совершает деяние, в результате которого наступает смертельный исход; “самоубийство, ассистируемое врачом”, когда медик помогает неизлечимо больному человеку покончить с жизнью; прекращение реанимации в случаях, когда тяжелая болезнь носит необратимый характер (лечение уже безрезультатно, а лишь продлевает время агонии).

Кроме того, не идет речь об эвтаназии, в том случае, когда стараются облегчить страдания какого-либо лица, находящегося в последней стадии тяжелой болезни, назначая ему медикаменты, которые лишь косвенным образом могут ускорить физиологический процесс умирания. В этом случае цель “помочь умереть” пациенту отсутствует, но налицо желание уменьшить его боль при помощи препаратов, которые лишь

в качестве побочного эффекта способны ускорить приближение конца. Таким образом, смерть в данном случае является возможным последствием обезболивающей терапии.

Резюмируя сказанное, еще раз отметим, что на протяжении ряда столетий эвтаназия остается одной из самых трудноразрешимых категорий как для правовой доктрины, так и для общественного сознания в целом. Однако если раньше человек вполне мог предвидеть и просчитать определенный приемлемый баланс добра и зла, то теперь благодаря научно-техническому прогрессу сфера последствий человеческих действий настолько видоизменилась, что настало время выработки качественно новых императивов. Достижения современной медицины, выходя на уровень управления человеческой жизнью, порой вступают в очевидное противоречие с традиционными нравственно-мировоззренческими и правовыми установлениями. К сожалению, практика свидетельствует о том, что многие базовые принципы далеко не всегда осуществимы, в то время как требование их соблюдения вытекает из самой природы взаимоотношений личности и государства и является неперенным условием политического, правового и социального прогресса. И в этом смысле эффективная борьба против смерти в различных ее проявлениях должна быть одним из приоритетных направлений деятельности общества и государства.

В современных условиях достаточно неустойчивого состояния общества, высокого уровня смертности, разгула преступности, широко распространенной безответственности легализация эвтаназии была бы преждевременным и ошибочным решением. Разрешенная в тех случаях, когда она оправдана с точки зрения закона, эвтаназия стала бы применяться и в иных, не столь бесспорных ситуациях, а также в отношении людей, которых можно спасти при условии применения дорогостоящих средств, либо в случаях, когда их судьба затрагивает определенные интересы.